

АНАСТАСИЯ ШЕРР

УКРАЛ
ТЕБЯ
И НЕ РАСКАЮСЬ

18+

Анастасия Шерр

Украл тебя и не раскаюсь

«Автор»

2026

Шерр А.

Украл тебя и не расскаюсь / А. Шерр — «Автор», 2026

Моя сестра слышала по телефону, как меня заталкивали в машину. Я кричала ей имя мужчины, которого ещё вчера хотела поцеловать. Мансур Далгатов решил, что я буду с ним. После моего «нет» он запер меня у себя. Я кричала, пока не сорвала голос, а в его доме провела одиннадцать дней. Я выбралась. Добралась до сестры. Думала, самое страшное осталось там. А самое страшное началось, когда я захотела его увидеть. Он не попросит прощения. Не расскается. И, если я опять уйду, этот подонок придёт за мной.*****— Я выйду и найду тебя, — сказал Мансур, подавшись вперёд и стиснув край стола свободной рукой. — Где бы ты ни жила. Можешь злиться сколько угодно, но делать вид, что мы с тобой чужие, я не собираюсь.— Когда найдёшь, постучишь, — ответила я и поднялась, хотя колени дрожали. — Если опять потащишь меня куда-нибудь, я опять закричу. Людям расскажу. Всё сделаю ещё раз, Мансур. Посажу тебя снова. Я уже знаю, что могу, даже когда люблю тебя.

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
Дисклеймер	7
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анастасия Шерр

Украл тебя и не раскаюсь

Украл тебя и не раскаюсь

Анастасия Шерр

Тёмный любовный роман 18+

АННОТАЦИЯ

Моя сестра слышала по телефону, как меня заталкивали в машину. Я кричала ей имя мужчины, которого ещё вчера хотела поцеловать.

Мансур Далгатов решил, что я буду с ним. После моего «нет» он запер меня у себя. Я кричала, пока не сорвала голос, а в его доме провела одиннадцать дней. Я выбралась. Добралась до сестры. Думала, самое страшное осталось там.

А самое страшное началось, когда я захотела его увидеть.

Он не попросит прощения. Не раскается. И, если я опять уйду, этот подонок придёт за мной.

— Я выйду и найду тебя, — сказал Мансур, подавшись вперёд и стиснув край стола свободной рукой. — Где бы ты ни жила. Можешь злиться сколько угодно, но делать вид, что мы с тобой чужие, я не собираюсь.

— Когда найдёшь, постучишь, — ответила я и поднялась, хотя колени дрожали. — Если опять потащишь меня куда-нибудь, я опять закричу. Людям расскажу. Всё сделаю ещё раз, Мансур. Посажу тебя снова. Я уже знаю, что могу, даже когда люблю тебя.

Дисклеймер

Роман содержит сцены похищения, насилия и принуждения. Автор осуждает подобные действия в реальной жизни и не считает любовь оправданием жестокости.

ПРОЛОГ

Я закричала сестре в трубку, когда Мансур поднял меня с земли. До этого ещё надеялась вырваться, оттолкнуть его, добежать до ресторанный крыльца, где мужчина в белом фартуке курил под навесом. Туфля чиркнула по мокрому бордюру. Я ударила Мансура локтем, попала куда-то под рёбра и услышала, как он с шумом выдохнул сквозь зубы. Он перехватил меня крепче. Телефон скользил в потной ладони, Инга повторяла моё имя, а я вдруг поняла, что через минуту она останется одна и даже не будет знать, где меня искать.

— Инга, меня увозит Далгатов! Мансур Далгатов! — крикнула я, вытянув руку с телефоном подальше от Мансура. — Зови полицию! Ты слышишь?! Зови... — Его помощник дёрнул меня за рукав, пальцы разжались. Телефон стукнулся о край тротуара, и я увидела на освещённом экране имя сестры. Связь ещё держалась. Роман нагнулся за телефоном, заслонив его плечом, а меня уже несли к открытой машине.

Я зацепилась за верх дверного проёма обеими руками. Ноготь хрустнул, и от резкой боли я на миг перестала кричать. Мансур разжал мои пальцы один за другим, и от этой деловитости меня затошнило. Несколько дней назад я сама положила ему ладонь на затылок. Притянула к себе и поцеловала, смеясь от собственной смелости. Теперь он заталкивал меня в машину. Мужчина под навесом бросил сигарету. Я поймала его взгляд, успела раскрыть рот, но он исчез за дверью ресторана. Я смотрела на закрытую дверь и всё ещё надеялась, что он позовёт кого-нибудь.

— Помогите! — крикнула я уже в пустоту. Дождь хлестал по лицу. — Меня похищают! — нога упёрлась в край сидения.

Я оттолкнулась, едва не выпала обратно, и вцепилась в рубашку Мансура под горлом. Пуговица отлетела, под пальцами оказалась горячая кожа его шеи. — Отпусти меня! Я же сказала тебе, что между нами всё!

Он резко наклонился, убирая мою голову от металлического края. Плечо вдавилось в сиденье, за спиной скользнула холодная кожаная обивка. Я извивалась, била его по груди, пыталась достать ногой до дверцы и хоть так не дать ей закрыться. Роман уже обходил капот, убирая мой телефон в карман. Салим, водитель Мансура, смотрел перед собой. Я повернулась к нему, выговорила «пожалуйста» и возненавидела себя за это слово, потому что он поправил зеркало, будто мы собирались ехать после обычного ужина.

— Посмотри на меня, Рада! — Мансур поймал моё запястье, когда я замахнулась, чтобы врезать ему по лицу. Я дёрнулась всем телом, и он сжал пальцы сильнее. — Ты сейчас поедешь со мной, — я расслышала каждое слово. Увидела надорванную рубашку у его шеи, мокрые волосы, перекошенное от злости лицо. Он понимал, что делает. Понимал даже то, что моя сестра уже зовёт помощь. И всё равно уселся рядом, отрезав мне путь к выходу.

Я бросилась через него, вцепилась в его руку обеими ладонями. За открытой дверью оставались свет ресторана, дождь и моя улица, по которой я только что шла, не подозревая о похищении. Мансур оттащил меня на сиденье. Я закричала снова, до хрипа, и дверца захлопнулась, заглушив мой голос.

За три недели до похищения

На день рождения приятельницы я приехала после работы. Наскоро смыла с пальцев клей, переоделась и весь вечер прятала обломанный ноготь. Мансур сидел через два места от меня. Именинница представила нас, но поговорить толком удалось лишь к концу ужина, когда гости принялись вспоминать её первую машину. Я рассказала, как однажды мы толкали эту развалину под дождём, а она ругалась на нас из салона, пока я не заметила поднятый ручник.

Мансур рассмеялся, откинув голову. До этого он казался мне угрюмым, даже сердитым, а тут я засмотрелась на его лицо и сбилась. Он заметил, улыбнулся мне, и я почувствовала, как становятся горячими уши.

Уходить мы собрались почти одновременно. Мансур снял с вешалки моё пальто, придерживал за плечи, пока я попадала рукой в рукав, и спросил про работу. На лестнице я остановилась, объясняя, почему мы с Матвеем отказались оформлять одну свадьбу. Заказчица требовала настоящие свечи вплотную к тканевому заднику, и я всё ещё злилась, вспоминая наш спор. Он слушал, прислонившись плечом к стене. Люди спускались мимо, нам приходилось отодвигаться, а мы продолжали разговаривать. Я рассказывала, как мы искали первых клиентов, как сами таскали стойки и ткань, как однажды перед открытием зала переделывали почти всё оформление. Мансур смотрел на меня с улыбкой, и мне хотелось рассказывать ещё.

— Ты весь вечер этот ноготь прячешь, — сказал он, перехватив мою руку. Я смутилась и попыталась отшутиться, но он повернул мою кисть тыльной стороной вверх и коснулся кожи рядом с обломанным ногтем. — Болит? — Я покачала головой, хотя палец саднило. Мне нравился его низкий голос и то, как внимательно он на меня смотрел. Когда Мансур предложил отвезти меня домой, я согласилась, а у подъезда сама продиктовала номер. Он подождал, пока я открою дверь, и только тогда вернулся к машине. Я поднялась к себе и ещё долго стояла у окна, хотя его уже не было во дворе.

На первом свидании я волновалась из-за того, что надела слишком яркое платье. Мансур встретил меня у входа в ресторан. Когда я стянула пальто, он задержал взгляд на моих плечах, и мне захотелось подойти к нему ближе. За ужином я рассказывала об Инге, вспоминала маму, смеялась над собственной оговоркой. Несколько раз замечала, что он смотрит на мои губы, и начинала путаться в словах. На следующую встречу он привёз пирожные из кондитерской, которую я упомянула вскользь. Я отвезла коробку сестре и поймала себя на том, что жду её вопросов о нём.

Мы виделись ещё несколько раз. Однажды Мансур приехал, когда мы с Матвеем заканчивали разбирать украшения после праздника. Я вышла к нему в джинсах, с пятном на рукаве, и он забрал у меня сумку, пока я застёгивала куртку. В машине включил обогрев, взял мои замёрзшие пальцы в ладонь. Я смотрела на его руку и чувствовала, как сильно хочу к нему прикоснуться. У моего дома мы долго сидели в темноте, и он уже собирался выйти, когда я удержала его за рукав. Положила ладонь ему на затылок и поцеловала. Мансур замер, затем прижал меня к себе, и я рассмеялась ему в губы, потому что от волнения дрожала вся. Домой поднималась с распухшими от поцелуев губами и улыбалась собственному отражению в зеркале лифта.

Через два дня мы поссорились. Я предупредила, что смогу поужинать с ним только до девяти. После закрытия торгового центра нас с Матвеем пустят устанавливать декорации, и к открытию всё должно быть готово. Матвей обещал заехать за мной к ресторану. Мансур выслушал и заказал еду, а когда я посмотрела на часы, накрыл мой телефон ладонью. Я потянулась за ним, чтобы написать Матвею, что выхожу, но Мансур отодвинул его к себе. На лице у него появилось недовольство, которого я прежде за ним не замечала.

— Позвони своему Матвею. Пусть управляется без тебя, — велел Мансур и подвинул ко мне бокал. Я убрала его руку с телефона, всё ещё надеясь, что он поймёт, если объяснить ещё раз. — Я тебя ночью к мужику не отпущу. Заканчивай с этими поездками, — я посмотрела на него, забыв, что собиралась сказать. Матвея я знала много лет, работала с ним задолго до встречи с Мансуром. Мы вместе взяли этот заказ, получили аванс, потратились на материалы. Люди ждали нас, а мужчина, с которым я успела сходить на несколько свиданий, уже считал себя вправе запретить мне ехать.

— Сядь, — потребовал Мансур, когда я поднялась из-за стола. Взял за локоть, попытался усадить обратно. На нас оглянулась женщина за соседним столиком. Мне стало стыдно, а вслед

за стыдом пришла злость. Я высвободила руку и направилась к выходу. Он догнал меня у дверей. — Денег я дам, если тебе не хватает. Матвей себе другую помощницу найдёт, — я оглянулась на него. Мы с Матвеем вместе искали клиентов, считали расходы, вкладывали в дело всё, что зарабатывали. Мансур знал, как много для меня значит работа. А теперь предлагал бросить её, чтобы ему было спокойнее.

— Больше за мной не приезжай, — сказала я у крыльца, когда он снова взял меня за руку. Пришлось выдернуть её. Пальцы болели, и от этого я окончательно перестала сомневаться. — Я хочу закончить наши встречи, Мансур. Мне страшно с тобой. Ты уже распоряжаешься моей работой, решаешь, кого мне видеть, с кем общаться... Что будет дальше? — он смотрел на меня так, словно я нарочно говорила что-то нелепое, чтобы его разозлить. В кармане завибрировал телефон. Матвей написал, что подъехал. Я пошла к машине, боясь обернуться, и только рядом с другом поняла, как колотится сердце.

Мансур позвонил, когда я вернулась домой после монтажа. Я сидела на краю кровати, стягивала носки и смотрела на его имя, пока телефон не замолчал. От него пришло сообщение с требованием взять трубку. Я ответила, что всё сказала у ресторана и встречаться с ним больше не буду. Он написал, что приедет. Я заблокировала номер. До утра ворочалась, то злясь на него, то вспоминая, как целовала его в машине. От того, что мне всё ещё хотелось этих поцелуев, становилось особенно горько. Но соглашаться на его условия я не собиралась.

В день похищения я встретила с приятельницей за ужином. Хотелось выбраться из дома, послушать про чужие заботы и хоть ненадолго отвлечься. Она уехала раньше, а я задержалась в уборной, поправляя волосы перед зеркалом. Мансура увидела, когда вышла под навес. Он стоял у лестницы, рядом ждал Роман. У обочины была припаркована машина с Салимом за рулём. Я остановилась на верхней ступени, и Мансур поднялся ко мне. Он оглядел меня, скользнул взглядом по вырезу платья и спросил, с кем я ужинала. Голос был спокойным, а я уже жалела, что приятельница уехала.

— Ты заблокировала меня, — произнёс он, перехватив мою руку, когда я попыталась пройти. Я рванула руку на себя, оглядываясь на двери ресторана. Он сжал пальцы. — Зато к Матвеем побежала. Думаешь, я лох, которого можно так кинуть, мм? Ты мне нужна, Рада. Я за тобой приехал, — он потянул меня к ступеням, и я вцепилась в перила. Стала звать людей, повторять, что никуда с ним не поеду. Мансур прижал меня к себе, отрывая от перил, а я успела достать телефон и набрать Ингу.

Боль в запястье вернула меня к происходящему. Я сидела в машине, прижатая к Мансурову боку, и пыталась высвободить руку. Мой телефон лежал у Романа в кармане. За стеклом оставался ресторан, куда я пришла провести обычный вечер. Мансур слышал мой отказ тогда, у крыльца, слышал сегодня и всё равно потащил меня к машине. Я уперлась ладонью ему в грудь и попробовала оттолкнуть. Он удержал мою руку, но я дёрнулась и вырвалась. За его плечом Салим взялся за руль.

ГЛАВА 1

Я вцепилась водителю в рубашку у шеи и потянула назад, когда машина ещё выруливала от ресторана. Шины завизжали, Салим выругался, а Мансур схватил меня поперёк живота и оторвал от переднего сиденья. За стеклом качнулись красные огни. Там оставались люди, музыка, женщина под раскрытым зонтом. Я успела увидеть её лицо, прежде чем меня швырнуло на спинку сиденья. Я ударила локтем в дверь и закричала так, что заболело горло. Женщина уже исчезла. На её месте мимо нас летело мокрое ограждение, и я поняла, что мы набираем скорость. Меня увозят, а улица продолжает жить, будто никто ничего не услышал.

— Останови! Слышишь меня?! — закричала я. Рванула дверную ручку, ударила Мансура по щеке, полезла к нему через сиденье. Его голова дёрнулась, но хватка на моём поясе стала сильнее. — Выпусти меня, сволочь! Инга слышала твоё имя. Она знает, кто меня забрал!

Роман обернулся с переднего сиденья, поймал мою руку и болезненно загнул пальцы. Я задохнулась от злости. Всё, чему меня учили о приличии, о спокойном разговоре, о том, что надо сначала разобраться, исчезло вместе с полосой света за окном. Я вывернулась, ударила плечом о Мансура и стянула с ноги туфлю. Роман что-то выкрикнул, протягивая ко мне вторую руку. Я ударила его каблуком по брови. Звук оказался коротким, тихим, а кровь потекла у него к уху. Он отпрянул, зажал лицо ладонью, и я снова бросилась вперёд, к рулю, пытаюсь хоть так заставить их остановиться.

— На обочину! — Мансур прижал меня к себе спиной и перехватил обе руки. От боли я выгнулась, стукнувшись затылком о его плечо. Роман повернулся ко мне всем корпусом, но Мансур глянул на него так, что тот замер. — Сиди. Сам разберись.

Машина резко затормозила, меня качнуло в его руках. Я ждала, что сзади кто-нибудь остановится, начнёт ругаться, подойдёт к окну. Встречные фары пробегали по салону и уносились дальше. За стеклом были канава, голые деревья и огни на другой стороне дороги. Пешком до них пришлось бы идти по грязи. Я готова была ползти. Туфля лежала под передним сидением, босая пятка скользила по коврику. Я попыталась нашарить туфлю ногой, и от этого беспомощного движения стало страшнее. Ещё десять минут назад я прощалась с приятельницей, поправляла волосы перед зеркалом. Теперь этот психопат держал мои руки так, что я не могла двинуться.

— Посмотри на меня, Рада, — потребовал он и ослабил хватку, позволяя повернуться, однако запястья оставил у себя в ладонях. Я дёрнулась снова. Между нами было так мало места, что от моего крика он поморщился. — Пока будешь лезть к водителю, я буду тебя держать. Угробишь нас всех.

— Так выпусти! — крикнула я, пытаюсь упереться коленом ему в грудь. Платье стянуло ноги, и я с яростью рванула подол, услышав треск шва. — Открой дверь, и я уйду! Ты сам запахнул меня сюда, сам! Чего ты от меня хочешь?!

Он смотрел на меня, пока я задыхалась, пытаюсь закончить фразу. Мне были знакомы и седина у висков, и складка между бровями. Раньше он так же терпеливо слушал меня. Теперь ждал, пока у меня закончатся силы. У меня дрожали ноги, сводило шею. Мансур мог прекратить это одним движением. Мы стояли, мотор работал тихо, впереди Роман прижимал к брови салфетку. Мне хотелось взять Мансура за лицо и расцарапать его, заставить понять, что происходит. Я ведь говорила с ним. Смеялась. Помнила, как мне нравился его голос, и от этого воспоминания подкатывала тошнота.

— Ты поедешь со мной, — произнёс он. Его большой палец лежал на моём запястье, где бился частый пульс. Я смотрела на этот палец и тянула руку, пока кожа не заболела. — В доме поговорим. Здесь я тебя не оставляю.

— Я тебе отказала, — повторила я. Голос сорвался на последнем слове, и слёзы хлынули так внезапно, что я почувствовала унижительное желание отвернуться. Я удержала его взгляд. — Ты понял, что я сказала? У нас всё закончилось. Я хочу домой. Пожалуйста, Мансур. Отпусти меня домой.

По тому, как напряглась его челюсть, я поняла, что он услышал каждое слово, включая это «пожалуйста», вырвавшееся против моей воли. Я застыла, ожидая. Мимо прошла грузовая машина. Свет её фар на миг выхватил кровь на салфетке Романа. Мансур убрал мои руки со своей груди, прижал их к сиденью и велел Салиму ехать. Тогда я укусила его за кисть. Он резко втянул воздух, сменил хватку, а я рыдала и пыталась кусать снова, пока впереди мелькали дорожные огни. Успокаивать меня никто не собирался. Меня везли, и моё согласие им было совершенно по боку.

К дому мы подъехали, когда я охрипла. За воротами светились высокие окна, на крыльце стояла женщина в тёмном платье. Пахло мокрой хвоей. Я успела поставить босую ногу на гравий и кинулась мимо Мансура, но он схватил меня за талию, поднял и понёс по ступеням. Я била его по спине и звала женщину. Она отступила, открывая проход. Внутри горел жёлтый свет. Мансур опустил меня на ковровую дорожку перед лестницей и взял за локоть, не давая отойти. Одна туфля оставила на ковре мокрый след. Женщина смотрела на разорванный подол и мою голую ступню.

— Зарема, открой верхнюю спальню, — приказал он, таща меня вверх. Я цеплялась за перила, разворачивалась к ней, просила позвать полицию. Она поднялась следом. На площадке Мансур снял мою руку с перил и втолкнул меня в комнату. — Запри её.

ГЛАВА 2

Я ударила в дверь плечом ещё до того, как Зарема успела отойти. Снаружи глухо брякнул металл. Я навалилась всем телом, заскребла ногтями по дереву и закричала ей вслед, умоляя вернуться. Голос пропал на середине слова. За дверью слышались удаляющиеся шаги. Эта женщина оставила меня кричать и ушла. Я отступила, разогналась и ударила снова. Боль прострелила плечо до локтя. В комнате было тепло, под потолком светилась люстра. Покрывало аккуратно сложили в ногах, одеяло отогнули, будто я вот-вот должна была лечь. Меня ждали.

Окно выходило во двор. Я распахнула штору и увидела внизу мужчину под навесом. Он курил, втянув голову в плечи. По стеклу текли капли, и я забарабанила кулаком, зовя его. Он посмотрел вверх. Я дёрнула створку, но та приоткрылась лишь на узкую щель. Я подтащила стул, ухватила за него обеими руками и врезала спинкой в небольшое нижнее стекло. От удара снова зануло плечо, стекло треснуло. Я ударила ещё раз, и осколки посыпались на пол и наружу. Холодный воздух ударил в лицо. Я подалась к пробойне и заплакала, вдыхая запах дождя.

— Помогите! Меня здесь удерживают силой! — кричала я, размахивая рукой, пытаюсь разглядеть кого-нибудь за тёмными деревьями. Мужчина под навесом шагнул во двор и задрал голову. — Пожалуйста! Позовите людей! Я хочу домой!

Ответа я не услышала. За двором стоял лес. Ни одного жилого окна, дорога терялась в черноте. Я попробовала высунуть голову дальше и вскрикнула. Левая ладонь скользнула по краю осколка, кожу обожгло болью, и кровь побежала к запястью. Порез был коротким, но я никак не могла перестать смотреть на него. Снизу уже кричали, чтобы я отошла. Я подняла окровавленную руку повыше, будто она могла кого-то убедить. Там видели меня и слышали. Там были люди, которым ничего не стоило открыть ворота.

Мансур вошёл первым. Я схватила за спинку стула, приготовившись ударить, и он остановился в двух шагах. Следом вбежала Зарема с белым свёртком в руках. Я смотрела то на него, то на неё, с трудом переводя дух, а кровь капала на светлый пол. Стул казался неподъёмным. Я всё ещё держала его перед собой, когда Зарема подошла сбоку и протянула сложенную салфетку. У неё тряслись пальцы. Меня взбесило, что она волновалась из-за пореза, хотя совсем недавно сама заперла дверь и оставила меня кричать.

— Вы же слышали! — крикнула я, пихнув стул к ней. Женщина отшатнулась. Салфетка выскользнула у неё из рук. — Я вас звала! Вы женщина, у вас хоть кто-нибудь есть? Представьте свою дочь здесь! Почему вы на него смотрите? Я с вами разговариваю!

— Зарема, перевяжи ей руку, — распорядился Мансур. Он отодвинул стул, встал между мной и разбитым окном. Я попыталась его обойти, но он удержал меня за правое предплечье. В дверях появился Роман с припухшей бровью. Мансур даже головы к нему не повернул. — Ставню снаружи закройте. Сейчас.

Я сидела на краю кровати, пока Зарема смывала кровь. От прикосновения мокрой ткани щипало, и я вздрагивала, ненавидя этих людей. Женщина сказала, что порез неглубокий, прижала чистую салфетку, начала накладывать повязку. Она работала ловко, стараясь не задевать порез, а мне хотелось оттолкнуть её. Несколько минут назад я умоляла выпустить меня, теперь должна была сидеть смирно и принимать её помощь. За окном ударило дерево о дерево. Комната потемнела с одной стороны, и я поднялась прежде, чем Зарема успела закончить. Мансур стоял у подоконника. Оттуда тянуло дождём, но улицы больше не было видно.

Три недели назад на дне рождения общей знакомой он подал мне пальто. Я помнила, как придержала рукав и посмотрела на него снизу вверх. Мы смеялись над одной и той же нелепой историей, а после ещё долго разговаривали на лестнице. Мансур слушал так внимательно, что мне захотелось рассказывать. Несколько встреч спустя я сама потянулась к нему и поцеловала.

Он тогда застыл, словно от меня зависело всё, что будет между нами. Я вспоминала свою ладонь на его щеке. Теперь она пульсировала под повязкой. Я смотрела на Мансура у закрытой ставни и пыталась понять, как могла так ошибиться в нём.

— Ты целовала меня, Рада, — произнёс он, когда Зарема ушла за чистым полотенцем. Я повернулась к нему и напряглась. Он шагнул ближе. — Ты сама ко мне пришла. Между нами уже было то, от чего ты сейчас бежишь.

— Был поцелуй! Всего лишь! — возразила я. Отшатнулась и ткнула забинтованной рукой в сторону двери. Повязка тянула кожу, слёзы текли по губам. — Я хотела тебя поцеловать тогда! Сегодня я сказала, что хочу уйти. Ты слышал, как я орала в машине? Как ты ухитрился услышать в этом согласие?!

Он промолчал. Я всё ещё ждала, что ему станет стыдно, что он отступит и позволит мне уйти. В шкафу за его спиной белел рукав женской блузки. Я заметила его, когда Зарема вернулась и открыла дверцу, выбирая, во что мне переодеться. Блузка висела между платьями. На нижней полке стояли домашние туфли, ещё соединённые магазинной ниткой. Я уставилась на них, забыв про руку. Он заранее велел купить мне одежду, обувь, приготовить постель. Я только теперь начинала понимать, как давно он всё решил.

— Когда ты всё это купил? — спросила я, обернувшись к нему, так и не взяв протянутую Заремой одежду. Он смотрел на меня с лёгкой усмешкой. — Когда, Мансур?! — повторила я громче, срываясь на хрип.

— Комнату приготовили ещё до твоего отказа, — ответил он. Забрал у Заремы одежду и положил на кровать. Я отступила от него, наступив на край мокрой шторы. — Я уже тогда хотел видеть тебя здесь.

ГЛАВА 3

Всю ночь перед глазами темнела закрытая ставня. Заснуть удалось под самый рассвет, сидя в кресле, поджав ноги. Проснулась я от собственного крика и несколько секунд искала глазами свою спальню. Я прижалась щекой к спинке кресла, пахнувшей кожей. Левая ладонь ныла под повязкой, горло саднило, и я с трудом проглотила слюну. Я подумала об Инге. Она могла всю ночь ходить из угла в угол, набирать мой номер, бежать куда-нибудь в одной куртке поверх домашней футболки. Но за мной так и не пришли.

Зарема вошла с завтраком, и я бросилась к проходу. Дверь перехватил Роман. Над его бровью темнел пластырь. Он смотрел на меня с неприкрытой злостью. Я попыталась протиснуться, упёрлась ему здоровой рукой в грудь. Он толкнул меня обратно, задев забинтованную ладонь, и я вскрикнула. Зарема покачнулась с подносом, на пол пролился чай. Я схватила женщину за рукав. Она остановилась, испуганно глядя на дверь, а я никак не могла говорить тише. Боялась, что, стоит замолчать, они решат, будто я успокоилась и смирилась.

— Позовите его! — потребовала я и отпустила её рукав, когда Роман двинулся ко мне. Отступать дальше кровати было некуда. — Я должна поговорить с сестрой. Она слышала вчера, что вы со мной сделали. Передайте Мансуру, что я буду орать, пока он сюда не придёт!

Он появился, когда я уже снова колотила в дверь. На нём была свежая рубашка, волосы ещё влажные после душа. Я вспомнила свои липкие щёки, платье, в котором провела ночь, и ярость помогла оттолкнуться от косяка. Он протянул руку, будто собирался проверить повязку. Я спрятала ладонь за спину. Его лицо потемнело, но теперь я заметила тёмные круги под глазами. Мне хотелось вцепиться в него, удержать здесь, пока не даст поговорить с сестрой.

— Дай позвонить Инге, — попросила я. Говорила медленно, потому что горло болело от каждого слова. Мансур взглянул на нетронутый завтрак. Я шагнула между ним и столом. — Посмотри на меня! Сестра может подумать, что меня убили. Ты отнял у меня телефон. Она не знает даже, жива ли я!

— Скажешь ей, что с тобой всё в порядке, — велел он. Достал свой телефон, и я рванулась к нему прежде, чем он закончил. Мансур отвёл руку. Я замерла, боясь, что он передумает. — Рада, я здесь стою. Думай, что говоришь.

Я назвала номер и смотрела, как он нажимает на экран. Я едва удерживалась, чтобы не выхватить у него телефон. Он дождался гудка и протянул его мне. Я прижала его к уху и отвернулась, хотя Мансур оставался в двух шагах и слышал бы каждое слово. Пальцы скользили по гладкому корпусу. Я держала его правой рукой, а левую прижала к груди, боясь задеть повязку. Инга ответила после первого гудка.

— Рада?! Рада, это ты?! — Сестра захлебнулась слезами, и я закрыла глаза, чувствуя, как подгибаются ноги. На том конце что-то стукнуло. — Где ты? Скажи мне, где ты?! Я заявление подала, я всю ночь тебя ищу! Почему ты молчишь?!

— Инга, слушай. Меня держат в доме за городом, — заторопилась я, отступая от Мансура к окну. Плечом задела штору и едва не запуталась в ней. Он поднял голову. — Мансур Далгатов, — торопливо выговорила я, давась словами. — Ты слышишь? Далгатов! Я отсюда выйти не могу!

Она закричала моё имя, и в тот же миг он схватил телефон. Я вцепилась в него обеими руками, содрав край повязки, потянула к себе. «Только скажи адрес!» — донёсся из динамика её голос. Я не знала адреса. Оглянулась на разбитое окно, закрытое ставней, и успела выкрикнуть, что меня заперли наверху. Мансур вывернул телефон из моих пальцев. Инга просила его взять трубку. До меня донёсся её дрожащий вдох, прежде чем Мансур тапнул по экрану, завершая звонок. Я всё ещё слышала её голос, хотя связь уже оборвалась. Ей даже не дали узнать, куда меня увезли.

— Верни! — закричала я. Ударила его в грудь и тут же снова потянулась за телефоном. Он отвёл меня от себя за плечи. Я задыхалась от рыданий. — Она же испугалась! Скажи ей, что ты меня не убил! Ты слышал, как она кричала?!

— Я дал тебе поговорить, — отрезал он и убрал телефон в карман. Я смотрела на его руку и никак не могла поверить, что на этом разговор закончился. Мансур провёл ладонью по лицу, раздражённо выдохнул. — Ты могла её успокоить. А ты выбрала устроить истерику.

Я толкнула его так сильно, что он отступил к креслу. Он поймал мои локти, и я забилась, крича ему в лицо, что это он всё устроил. Захотел меня сюда привезти, запереть в спальне, заставить Ингу метаться по городу в поисках сестры. Я просила ещё минуту, десять секунд, дать ей хотя бы услышать мой голос. Мансур держал мои руки. Его терпение было хуже открытой злобы. Он мог ждать, а я не могла. Мне нужно было вырваться, добраться до сестры, пока она не сошла с ума от страха.

— Полиция знает твою фамилию, — выговорила я, когда он наконец отпустил. Я вытерла лицо здоровой рукой. От собственного голоса хотелось опять плакать. — Ты теперь и Ингу запереть собираешься? Всех, кому она расскажет?

— Полиция уже приезжала в мой дом в городе, — произнёс Мансур, глядя на сбившуюся повязку. Он протянул руку, и я ударила по ней здоровой ладонью. Мансур сжал губы и опустил руку. — Искали тебя. Как видишь, ты всё ещё здесь. И отпускать тебя я не собираюсь.

Он вышел, оставив завтрак остывать. Я стояла посреди комнаты и снова вспоминала, как Инга просила назвать адрес. Мансур понимал, чем рискует. Мне стало холодно, хотя в комнате было душно. Я подтянула повязку зубами, села у двери на пол и принялась звать Зарему. Мне нужен был человек, который знает, где находится этот дом.

ГЛАВА 4

Зарема принесла мне платье к ужину, и я засмеялась ей в лицо. Смех вышел хриплым, неприятным. Женщина вздрогнула и опустила плечики. Платье было закрытое, с длинными рукавами. Я сидела на кровати в своём, разорванном у бедра. За день я спросила у неё адрес столько раз, что она перестала отвечать даже взглядом. Приходила, уходила, уносила остывшую еду. От голода дрожали ноги. Я съела немного хлеба и снова принялась ждать. Может, теперь она скажет, хотя бы шёпотом назовёт улицу.

— Мансур ждёт вас внизу, — сказала Зарема и протянула платье. Я подняла забинтованную ладонь, и она замаялась, опустив глаза. — Переоденьтесь. Это сухое и целое.

— Дома переоденусь, — ответила я, вставая с кровати. Прошла мимо неё. Зарема поспешно преградила дверь, однако хватать меня не решилась. В коридоре показался Мансур. Я остановилась, стиснув зубы. — Пришёл полюбоваться? Я сегодня уже умылась. Можно показывать людям.

Он смерил взглядом моё платье и потянулся к порванному шву. Я отступила, едва не налетев на Зарему. Мансур убрал руку и велел спускаться. Я собиралась остаться, заставить его опять тащить меня, но из коридора был виден первый этаж. Там светились большие окна, за которыми темнел сад. Воздух с лестницы пах едой и дождём. Целый день я провела перед закрытой ставней. Я так хотела увидеть двор, что почувствовала, как начинаю задыхаться. Я вышла сама. Мансур шёл за мной, и я слышала его дыхание, пока спускалась, держась здоровой рукой за перила.

Внизу Салим переговаривался с Романом у бокового прохода. Они замолчали, когда мы появились. В конце прохода я заметила ещё одну дверь во двор. Вчера, когда Мансур внёс меня в дом, я не успела её разглядеть. Мужчины следили за каждым моим движением. В столовой стояли две тарелки, между ними горели свечи. Мне захотелось завывать. Где-то Инга бежит с моей фотографией, а здесь для меня зажгли свечи. Мансур выдвинул стул рядом со своим, коснулся моего плеча. Я дёрнулась, и стул опрокинулся на бок с таким грохотом, что Зарема остановилась в дверях.

— Подними, — велел Мансур Салиму. Тот двинулся к нам, обходя меня боком. Мансур смотрел только на меня. — Сядешь рядом. Ты моя женщина, Рада. Привыкай. Твое место за этим столом.

Я схватила тарелку и швырнула её в стену. Фарфор разлетелся по полу, свеча дрогнула от движения воздуха. Салим отшатнулся, так и не подняв стул. Мне стало легче на одну страшную секунду. Хоть этот ужин я сумела им испортить. Я смотрела на белые осколки и слышала, как Зарема за спиной втягивает воздух. Мансур взял меня за локоть. Я вырвалась с такой силой, что ткань затрещала на плече, и обернулась к остальным. Роман презрительно поджал губы. Под пластырем вспухла бровь. Я пожалела, что ударила недостаточно сильно.

— Он меня украл! — я показала на Мансура, глядя на Салима. Тот отвёл глаза первым. — Ты вёл машину, пока я кричала! Ты всё слышал! А вы, Зарема, закрыли дверь! Теперь будете стоять и смотреть, как я за ужином учусь быть его женщиной?!

Мансур шагнул между мной и Салимом. Я упёрлась ладонью в его грудь, почувствовала, как от боли потянуло кожу под бинтом, и сильнее нажала. Он побледнел, губы сжались. Смотрел на меня с бешенством, словно это я его оскорбила. Ему хотелось, чтобы эти люди видели нас вместе. Чтобы я села, взяла вилку, позволила Зареме налить воды. Я вдруг поняла, зачем понадобился этот ужин, и сама шагнула ближе. Страх никуда не ушёл, меня знобило, но молчать при них я больше не могла.

— Ты хочешь, чтобы я с тобой разговаривала? — я ткнула пальцем в его рубашку. Мансур поймал мою руку, и я почти крикнула ему в рот. — Хорошо! Помнишь, как я попросила больше

ко мне не приезжать? Я тебе всё объяснила. Мне стало страшно с тобой, когда ты начал решать за меня. Ещё там, у ресторана, повторила. Что из этого тебе непонятно?!

— Мне всё понятно, — ответил он и отпустил меня, оглянувшись на остальных. Роман выпрямился, ожидая приказа, и от этой готовности мне захотелось снова схватить что-нибудь со стола. Мансур подвинул целую тарелку от края. — Все вышли. Рада остаётся.

— Пойдите! — я обернулась к Зареме. Женщина прижала губы и остановилась, но Мансур повторил приказ, уже громче. Я преградила ей путь, здоровой рукой ухватившись за дверной косяк. — Скажите адрес. Хоть это скажите мне! Вы можете спокойно смотреть, как я плачу, а назвать улицу у вас язык не поворачивается? Да что вы за люди такие?!

Она опустила голову. Мансур снял мою руку с косяка и повёл к лестнице. Я вырывалась, пыталась его укусить, но успела увидеть через большое боковое окно белый фургон у хозяйственного входа. Салим уже спешил туда. Калитка оставалась открытой, за ней лежала полоска дороги. Если бы вырваться сейчас, я успела бы добежать до прохода. Роман вышел к фургону за продуктами, Мансур дёрнул меня за локоть, и двор пропал из виду. Я перестала сопротивляться. Поднялась за ним, стараясь дышать ровно, и украдкой поглядывала вниз через перила.

— Будем есть здесь, — сказал он в спальне, захлопнув дверь. Я высвободила руку и отошла к кровати. Мансур поднял валявшийся на полу халат, бросил его в кресло. — Вдвоём. Каждый вечер, пока ты не научишься со мной правильно разговаривать.

Я смотрела на его лицо и помнила открытую калитку. Я запоминала, как стоял фургон, сколько места оставалось между ним и изгородью, куда выходила узкая дорожка вдоль дома. Он ждал ответа. Я опустилась на кровать, прижала больную ладонь к колену и позволила ему принять моё молчание за усталость. Мои просьбы здесь никто не слышит. Значит, завтра спасу себя сама.

ГЛАВА 5

На третий день я переоделась в оставленные для меня брюки и свитер. Разорванное платье бросила на пол, как тряпку. Мягкие туфли из шкафа оказались чуть велики, но в них можно было бежать. Я поела, запила завтрак водой и заставила себя отойти от окна, по-прежнему закрытого ставней. Смотреть там было нечего. Сидя на кровати, я прислушивалась к шагам внизу, звону посуды, мужским голосам. Роман дежурил у двери не всё время. Вчера вечером Мансур отправил его вниз. Видимо, считал, что достаточно запирает меня на ключ. Мне оставалось дожидаться, когда дверь откроют, и добраться до калитки.

Когда во дворе загудела машина, я поднялась так резко, что закружилась голова. Звук мотора приблизился, замер, следом кто-то громко позвал Салима. Я стояла у стены, слушая, как по лестнице идёт Зарема. Она несла обед. Я различила знакомый звон ложки о край тарелки. Ладонь под бинтом вспотела.

За дверью повернулся замок, и я отступила на шаг, давая ей войти. Увидела лицо, открытый рот, руки, занятые подносом. Я толкнула дверь шире, проскользнула мимо неё и побежала. Зарема вскрикнула за спиной, поднос ударился о пол. Я боялась, что она упала, и всё равно продолжала бежать.

На лестнице я едва удержалась, ухватившись за перила больной рукой. Резануло ладонь, но я продолжала сбегать по ступеням. Из столовой послышался голос Мансура. Я свернула к боковому проходу, толкнула створку и вылетела на мокрые плиты. Фургон стоял там, где я видела его вчера. Салим нёс к дому упаковки хлеба, Роман отошёл к хозяйственному входу. Оба повернулись. Я проскочила между машиной и изгородью, зацепившись свитером за ветку. Рванулась сильнее и почувствовала, как надрывается рукав. Калитка была открыта. За ней лежала дорога. Я видела её и боялась, что меня схватят за шаг до выхода.

Впереди дорога сворачивала к лесу, и мне казалось, что стоит миновать поворот, как я исчезну для них всех. По лужам шлёпали туфли. Я бежала, прижимая левую руку к груди, слышала своё дыхание и боялась оглянуться. За деревьями могли быть другие дома, человек с собакой, автобусная остановка. Я надеялась встретить хоть кого-нибудь. Мансур крикнул моё имя. Голос донёсся слишком отчётливо, и я прибавила, хотя в боку уже кололо. На повороте туфля соскочила с пятки. Я наступила на неё, подвернула правую ногу и полетела в канаву.

Ударившись о землю всем телом, я осталась лежать на боку, глотая воздух, и никак не могла понять, почему дорога оказалась выше моего лица. Под ладонью хрустела прошлогодняя хвоя. Нужно встать. Я подтянула колено, попыталась опереться и закричала, заваливаясь снова. Правая лодыжка горела, нога подворачивалась, как только я пыталась на неё опереться. Я поползла на локтях к краю канавы. Брюки промокли насквозь, грязь забилась под свитер, но оставаться здесь значило дожидаться Мансура. Я вытянула руку, уцепилась за низкую ветку и успела проташить себя ещё немного, прежде чем на дороге появились его ботинки.

— Уйди! — Я сгребла горсть мокрой земли и швырнула в него. Он уклонился, спустился в канаву. Я попыталась отползти назад, ударяя здоровой ногой по грязи. — Не трогай меня! Я не пойду в твой дом! Слышишь? Я лучше здесь останусь!

Он присел, протянул руку к моей ноге, и я замахнулась. Мансур поймал запястье. У него сбилось дыхание, на брюках темнели брызги, к виску прилипли мокрые волосы. Я рассчитывала оторваться, пока он отдаёт приказы, но он сам бросился за мной и успел. Я посмотрела за его плечо. Дорога была пуста. Сюда никто не шёл. До лесного поворота оставалось всего несколько шагов, которых я теперь не могла сделать.

— Ногу покажи! — Мансур потянулся снова, и я ударила его здоровой пяткой в бедро. Он выругался, прижал моё колено к земле. Я захлебнулась криком, хотя больную ногу он ещё не трогал. — Рада, хватит! Встать можешь?

— Отпусти меня, и узнаешь! — я вцепилась ему в рукав. Он смотрел на моё лицо, пока я пыталась сдержать рыдания, чтобы договорить. — Оставь меня здесь. Я доползу. Клянусь, я сама доползу! Мансур, пожалуйста, я больше не могу там сидеть!

Я никогда ни о чём так не просила. Слова выходили вместе с соплями и слезами, я давилась ими, цеплялась за его рубашку, то отталкивала, то опять хватала, чтобы он смотрел на меня. Мне было всё равно, как я выгляжу. Я смотрела через его плечо на дорогу, которая была совсем близко. Если бы удалось подняться, допрыгать на одной ноге, дожидаться хоть какой-нибудь машины. Я говорила это вслух, обещала ему уехать, забыть его, больше никогда не показываться. Он отцепил мои пальцы от своей рубашки и подхватил меня под колени. Больную лодыжку качнуло, и я закричала ему в плечо.

Он нёс меня обратно, пока я вырывалась. За его спиной оставалась лесная дорога. Я смотрела, как поворот скрывается за деревьями, и ещё пыталась бить Мансура, хотя уже понимала, что вырваться не получится. Салим стоял у калитки. Я закричала ему, что хочу к сестре, а он открыл проход шире. Во дворе я разрыдалась так громко, что Мансур прижал меня крепче и велел прекратить. Я продолжала кричать.

У лестницы Зарема закрыла рот ладонью. Я потянулась к ней, показывая на распухшую ногу, но Мансур прошёл мимо. Роман поднялся следом. Я слышала, как он начал оправдываться ещё на ступенях. Мансур опустил меня на кровать. Я попробовала спустить ноги на пол и тут же схватилась за покрывало от боли. Он остановился в дверях. На рубашке у него осталась грязь от моих пальцев, и я уставилась на неё, уже не надеясь увидеть в его лице хоть какое-нибудь сомнение.

— Замки и охрану усилить, — приказал он Роману. Я подняла голову, всё ещё всхлипывая, и встретила с Мансуром взглядом. — Второго побега отсюда у неё не будет, — добавил он, не отводя глаз.

ГЛАВА 6

— Помогите мне выйти отсюда! — Я схватила врача за рукав раньше, чем он успел поставить свой чемодан. Белая манжета показалась из-под пиджака, и я вцепилась в неё обеими руками, хотя порез на левой ладони ещё саднил. — Меня держат силой. Слышите? Он меня украл, а теперь запер! Пожалуйста, отвезите меня к сестре!

Врач застыл, наклонив голову. Ему было лет пятьдесят, на переносице осталась красная вмятина от очков. От его пиджака пахло табаком и сыростью. Этот запах едва не довёл меня до нового крика. За дверью существовала улица. Люди покупали хлеб, ехали домой, и никто не спрашивал у Мансура разрешения. Я смотрела на чужое лицо с такой надеждой, что боялась моргнуть. За спиной врача стоял Мансур, который вынес меня из канавы и вернул в запертую спальню. На его брюках засохли грязные разводы.

— Сначала ногу, — произнёс Мансур, и врач осторожно высвободил рукав. Я дёрнулась следом, но опухшая лодыжка отозвалась такой болью, что перед глазами поплыли чёрные точки. Мансур придержал меня за плечо. — Сядь. Ты едва держишься. Будешь опять падать, привяжу тебя к этой кровати на неделю.

Я скинула его руку. От этих слов меня трясло сильнее, чем от боли. Мансур грозил привязать меня в присутствии врача и даже не попытался выдать угрозу за шутку. Я смотрела на него и уже верила, что он способен и на это.

Врач опустил на стул, спросил, где болит, и принялся ощупывать ступню. Я отвечала, не отводя глаз от его лица. Когда он надавил под выступившей косточкой, я вскрикнула и выругалась. Он отнял руку, кивнул и велел осторожно пошевелить пальцами ноги. Он вернётся в свою больницу, где люди звонят близким, уходят под собственную ответственность. Мне хотелось выбраться туда вместе с ним.

— Похоже на растяжение. По одному осмотру окончательно судить не берусь. Нужен снимок, — сказал врач, расправляя на колене эластичный бинт. — Сейчас повязка, холод через ткань, ногу повыше. Наступать через боль нельзя. Костыль я привёз, подстрою по росту. Первые дни поберегите себя.

Он говорил со мной, а смотрел на Мансура. Так смотрят на того, кто будет платить. В горле зашипало от унижения. Пришлось стиснуть край покрывала, чтобы опять не схватить врача и не начать трясти. Он слышал каждое слово и понимал, что со мной сделали. Двое мужчин решали, что делать с моей ногой, а на мою просьбу выпустить меня ни один не ответил. Осмотрят, перевяжут и оставят здесь до утра. У меня отняли даже возможность убежать. За окном шумели сосны. Этот звук я начала ненавидеть ещё вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.